O.V.K — X.T.R

АЛХИМИЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ, ДЕЛАНИЕ И МЕРА

УЧЕНИЕ, ДЕЛАНИЕ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

O.V.K — X.T.R

АЛХИМИЯ

ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ И ЕГО ЯЗЫК

Изложение учения, делания и наследия —
от Зосимы и арабов к Парацельсу и Ньютону,
от первоматерии и камня — к химии наших дней

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Кто не умеет разложить, не сумеет и соединить. Раствори и сгусти — вот всё делание, и в веществе, и в делателе».

— из тетради лабораторного мастера

✵

Книга писана для того, кто читает старые трактаты,
а не для того, кто ищет в них рецепт золота.
Учение изложено как учение,
история — как история,
и опасное названо опасным.

Оглавление

Часть первая. Что есть алхимия

I. Что такое алхимия 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Александрия и Зосима 5
V. Арабы: сера и ртуть 6
VI. Латинский Запад 7
VII. Парацельс и врачевание 8
VIII. Чем алхимия не является 9

Часть вторая. Учение

IX. Первоматерия 11
X. Стихии и качества 12
XI. Сера, ртуть и соль 13
XII. Семь металлов и семь планет 14
XIII. Камень и его действия 15
XIV. Ступени делания 16
XV. Двойное чтение 17
XVI. Тайный язык и рисунок 18

Часть третья. Делание

XVII. Лаборатория и посуда 20
XVIII. Огонь и его степени 21
XIX. Раствори и сгусти 22
XX. Перегонка 23
XXI. Прокаливание и возгонка 24
XXII. Сосуд и печь 25
XXIII. Сроки и терпение 26
XXIV. Записи делателя 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

XXV. Как отделилась химия 29
XXVI. Находки алхимиков 30
XXVII. Врачевание и лекарство 31
XXVIII. Ньютон и делание 32
XXIX. Юнг и чтение делания как пути 33
XXX. Алхимия в словесности и в искусстве 34
XXXI. Обманщики и покровители 35
XXXII. Превращение, оказавшееся возможным 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего алхимия не может 38
XXXIV. Опасности вещества 39
XXXV. Мнимые рецепты 40
XXXVI. Аллегория и произвол 41
XXXVII. Алхимия и герметизм 42
XXXVIII. Правила читающего трактаты 43
XXXIX. Правила работающего над собою 44
XL. Заключение: превращение и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧТО ЕСТЬ АЛХИМИЯ

Откуда пошло делание, через чьи руки оно прошло
и отчего одно и то же сочинение
читается и как рецепт, и как повесть о душе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое алхимия

✷

Алхимией зовётся искусство превращения: работа с веществом ради его совершенствования — и вместе с тем работа делателя над собою, ибо одно почиталось неотделимым от другого.

В этом двуединстве вся её особенность. Печь, тигель и перегонный куб суть орудия ремесла; и они же — образы состояний человека. Оттого всякий трактат читается двояко, о чём глава пятнадцатая.

Три цели ставила себе алхимия. *Превращение металлов* — обращение неблагородного в золото. *Врачевание* — изготовление средства, исцеляющего и продлевающего жизнь. *Совершенствование делателя* — преображение того, кто работает.

Первая цель не достигнута и достигнута быть не могла способами, ей доступными, — о чём глава тридцать вторая. Вторая дала начало лекарственному делу. Третья не проверяется ничем, кроме жизни самого делателя.

Оттого книга разделена так. Часть вторая — учение: первоматерия, стихии, начала, ступени делания. Третья — сама работа: печь, огонь, перегонка, сроки. Четвёртая — что из этого выросло. Пятая — граница, включая прямое предостережение о ядах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

✷

Слово пришло к нам через арабов: *аль-кимийя*, где «аль» есть определённый член, а корень восходит либо к греческому *химейя* — искусство сплавления, либо к египетскому *кеме* — «чёрная земля», самоназванию Египта.

Оба возведения возможны, и оба говорят об одном: ремесло почиталось египетским и связанным с плавкою и крашением металлов.

Отбросив арабский член, получаем «химию» — и оттого два слова остаются близнецами: *алхимия* и *химия* суть одно имя, разделённое веками.

Различим для порядка. *Алхимия* — ремесло и учение до его разделения. *Химия* — наука, отделившаяся в семнадцатом-восемнадцатом веках, о чём глава двадцать пятая. *Ятрохимия* — врачебное её направление от Парацельса.

И ещё два слова. *Спагирия* — от греческих «разделять» и «соединять»: имя, данное Парацельсом работе с растительным веществом. *Великое Делание* — главный труд, ведущий к камню.

Заметим наперёд: имя ремесла говорит о плавке и крашении, а не о духе. Духовное чтение пришло позже — и не отменило первого.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✷

Всё делание стоит на трёх положениях, принимавшихся как самоочевидные.

Первое: вещество едино. Все тела состоят из одного начала, различно устроенного; оттого одно может быть обращено в другое, если суметь вернуть его к первоначальному состоянию и переустроить. Отсюда понятие первоматерии, о чём глава девятая.

Второе: природа стремится к совершенству. Металлы *зреют* в недрах земли, обращаясь со временем в золото; алхимик лишь ускоряет то, что природа делает медленно. Отсюда и оправдание ремесла: оно не насилует природу, а помогает ей.

Третье: подобие вверху и внизу. Устройство мира повторяется в веществе и в человеке; оттого работа над металлом есть вместе с тем работа над собою. Об этом основании — в книге о герметизме.

Из трёх положений выводится всё: цель (превращение), способ (разложение и соединение) и двойное чтение трактатов.

Заметим наперёд, где эти основания оказались неверны. Вещество и вправду едино — но единство его лежит глубже, в ядре, куда огонь печи не достаёт. *Догадка была верна, средства негодны*; об этом глава тридцать вторая.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Александрия и Зосима

✷

Ремесло родилось там же, где и герметические книги: в греко-римском Египте первых веков.

Что сошлось. Египетское храмовое и ювелирное ремесло — сплавы, крашение, подделка золота; греческая философия с её учением о стихиях; и убеждение, что вещество живо и способно к превращению.

Ранние сочинения — «Физика и мистика», приписываемая Демокриту, — наполовину рецепты крашения металлов, наполовину рассуждения. Разделения на ремесло и учение в них ещё нет.

Зосима Панополитанский, живший около трёхсот лет нашей эры, есть первый алхимик, известный нам по имени и по многим сочинениям. У него уже есть всё: описание печей и сосудов, работа с парами и осадками, и вместе с тем — видения, в которых вещество терпит мучение, умирает и воскресает.

В этих видениях впервые сказано ясно то, что станет сердцевиною предания: *превращение вещества и преображение делателя суть одно и то же событие, описанное с двух сторон*.

Заметим и печальное: александрийское собрание почти всё погибло, и о начале ремесла мы судим по выдержкам у позднейших переписчиков.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Арабы: сера и ртуть

✷

Труд александрийцев был подхвачен арабским востоком, и там ремесло получило и теорию, и лабораторный порядок.

Джабир ибн Хайян — лицо полулегендарное, под чьим именем ходит огромный свод, — изложил учение о том, что все металлы состоят из двух начал: *серы* — горючего, деятельного, мужского — и *ртути* — текучего, летучего, женского. Различие металлов есть различие в чистоте и соотношении этих двух.

Отсюда прямое следствие: чтобы обратить один металл в другой, надлежит переменить соотношение начал. Задача, дотоле смутная, получила ясную постановку — и оттого делание сделалось предметом расчёта.

Ар-Рази, врач и естествоиспытатель, пошёл иным путём: он описал вещества и приборы с точностью, невиданной прежде, составил их перечни и разряды. Его сочинения читаются как настоящее лабораторное руководство.

Что дал восток. Порядок в опыте; перегонный куб в его зрелом виде; описания солей, щелочей и кислот; и самое слово «алхимия», перешедшее в Европу.

Заметим: именно здесь ремесло было ближе всего к науке — и здесь же оставалось учением о живом веществе. Разделения ещё не произошло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Латинский Запад

✷

В двенадцатом-тринадцатом веках арабские сочинения были переведены на латынь, и Европа получила ремесло разом с теорией.

Первые переводы сделаны в Испании; тогда же Роберт Честерский переводит «Книгу о составе алхимии», и с неё начинается латинская алхимия.

Учёные того века — Альберт Великий и Роджер Бэкон — отнеслись к делу трезво: признавали возможность превращения, требовали опыта и предостерегали от обманщиков.

Псевдо-Гебер — неизвестный латинский автор конца тринадцатого века, писавший под именем Джабира, — составил «Сумму совершенства»: сочинение ясное, лабораторное, с описанием кислот и способов очистки. Оно стало учебником на три века.

Запреты. Ремесло не раз запрещали: папа Иоанн XXII буллой 1317 года, английский король — законом 1404 года. Причина была не в богословии, а в подделке монеты: превращение легко переходило в порчу денег.

Отсюда и двойственное положение алхимика в Европе: он был нужен государю — и подозреваем им же.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Парацельс и врачевание

✷

В шестнадцатом веке Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, назвавший себя Парацельсом, повернул ремесло от золота к лекарству.

Его положение. Назначение алхимии не в делании золота, а в приготовлении *лекарств*: разделять вещество, отделяя целебное от вредного, и давать больному чистое.

Три начала. К сере и ртути он прибавил *соль* — начало телесности и постоянства. Сера — горючее и душа; ртуть — летучее и дух; соль — твёрдое и тело. Учение это господствовало до самой химии нового времени.

Его правило о дозе, вошедшее в медицину навсегда: всё есть яд, и ничто не лишено ядовитости; одна лишь доза делает вещество не ядом. Правило это стоит целой науки.

Что вышло. Введение в лечение минеральных средств — сурьмы, ртути, мышьяка; успехи и жестокие отравления; спор с учёными врачами, длившийся век. Из этого спора выросла ятрохимия, а из неё — лекарственное дело.

Заметим и о нраве: Парацельс был человеком дерзким, жёг книги предшественников и писал бранно. Ремесло от этого выиграло: он заставил его спорить с опытом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем алхимия не является

✷

Отсечём лишнее, ибо на этом имени наросло больше вымысла, чем на ином.

Она не есть детство химии. Это упрощение: алхимики имели свою теорию, свои цели и свой способ проверки. Химия отделилась от неё, а не выросла из неё как ребёнок из пелёнок.

Она не есть только шарлатанство. Обманщиков было множество, о чём глава тридцать первая; но ими работа не исчерпывается: приборы, приёмы и вещества, найденные алхимиками, служат доныне.

Она не есть только иносказание о душе. Толкование Юнга плодотворно, но алхимики *работали руками*: топили печи, травились парами, разорялись на угле. Читать их одним лишь духовным чтением значит отменить их труд.

Она не есть тайное знание, дошедшее до нас в целости. Предание рвалось, рецепты писались нарочно темно, и множество сочинений подделано.

И она не есть способ разбогатеть. Ни один достоверный случай превращения не подтверждён; зато разорившихся — тысячи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЧЕНИЕ

Первоматерия, стихии и начала, металлы и планеты,
камень и ступени делания —
и отчего всё это писано нарочно темно

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первоматерия

✷

Основание всего учения — *первоматерия*: вещество, лишённое всякого качества, из которого сложено сущее и к которому его надлежит вернуть, прежде чем переустроить.

Отчего она нужна. Если вещество едино, то различие тел есть различие устройства, а не существа. Чтобы обратить одно в другое, надобно снять устройство — и получить нечто безвидное.

Как её описывали. Противоречиво и нарочно: она всюду и её никто не видит; она презираема и стоит дешевле грязи; она есть начало и конец делания. Иные говорили о ней как о росе, иные — о свинцовой руде, иные — о чём-то, чего назвать нельзя.

Отчего разноголосица. Три причины. Тайна ремесла; неспособность назвать то, что не имеет качеств; и, вернее прочего, — *разные делатели работали с разными веществами*, называя их одинаково.

Как это читать ныне. Двояко. В работе с веществом — как исходное сырьё, приводимое к однородному состоянию. В работе над собою — как *исходное состояние человека*, лишённое личин и притязаний, из которого только и возможно начать.

И правило чтения, годное для всей второй части: *не искать в этих словах вещества из нынешней таблицы*. Речь идёт о состояниях и ролях, а не о наименованиях.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Стихии и качества

✷

Учение о четырёх стихиях перешло к алхимии от греков и служило ей языком описания.

Четыре стихии: земля, вода, воздух, огонь. Они суть не вещества, а *состояния и свойства*: земля — твёрдое и постоянное, вода — текучее, воздух — летучее, огонь — действующее и превращающее.

Четыре качества: тепло и холод, сухость и влажность. Всякая стихия есть сочетание двух: огонь — тёплое и сухое; воздух — тёплое и влажное; вода — холодное и влажное; земля — холодное и сухое.

Отсюда способ превращения. Раз стихии различаются качествами, то, переменив качество, можно обратить одну в другую: отняв влажность у воды, получить землю. Мысль эта проста и объясняет, отчего делатели столь усердно грели, сушили и увлажняли.

Что здесь верно. Наблюдение: вода испаряется и оседает, дерево горит и обращается в золу — вещество на глазах меняет вид. Из этого следовало заключение о превращаемости, и заключение это было разумным для своего времени.

Что неверно. Стихии не суть составные части: вода не состоит из холода и влаги. Разбор Лавуазье показал, что вода есть соединение двух иных веществ, о чём глава двадцать пятая.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сера, ртуть и соль

✷

Поверх стихий алхимия положила учение о началах, объясняющее устройство металлов.

Сера — начало горючести, деятельности, окраски. **Ртуть** — начало текучести, блеска, летучести. Металл, по этому учению, есть их соединение; золото — соединение совершеннейшее.

Соль прибавлена Парацельсом как начало телесности: то, что остаётся по сгорании и не улетучивается.

Существенная оговорка. Сера, ртуть и соль здесь *не вещества с полки*, а *роли*: горючее, летучее и твёрдое. Всякое тело имеет в себе все три. Смешение роли с веществом — первейшая ошибка читающего эти книги; она же губила и самих делателей, работавших с настоящей ртутью.

Соответствие человеку. Дух, душа и тело; или ум, чувство и плоть. Отсюда трёхчастное деление, повторяемое во всех позднейших сочинениях.

Что осталось. Само разделение веществ на летучие, горючие и нелетучие есть разумная первая опись; химия начала с того же, прежде чем нашла иное основание.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Семь металлов и семь планет

✷

Сетка соответствий, на которой держится весь язык ремесла, невелика и стоит того, чтобы выучить её наизусть.

> Золото — Солнце. Серебро — Луна. Медь — Венера.
> Железо — Марс. Олово — Юпитер. Свинец — Сатурн.
> Ртуть — Меркурий.

Отчего именно так. По виду и свойству: золото цветом и нетускнеемостью подобно солнцу; серебро — луне; железо ковко и годно для оружия — отсюда Марс; свинец тяжёл, тускл и медлен — отсюда Сатурн, медленнейшее из светил.

Что это давало. Единый язык: сказав «Сатурн», делатель разом называл металл, планету, день недели, час, часть тела, возраст и настроение. Об удобстве такого языка для памяти сказано в книге об искусстве памяти.

Что из этого следовало для работы. Выбор времени: начинать делание в час соответствующей планеты; ждать благоприятного расположения светил. О пределах такого расчёта — в книге о герметизме.

И знаки. Всякому металлу — свой знак, тот же, что у планеты. Оттого алхимический трактат читается как звёздная карта; и оттого же непосвящённый не понимал в нём ни строки, что и требовалось.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Камень и его действия

✷

Цель Великого Делания зовётся философским камнем, и о нём говорится согласнее, чем о прочем.

Что он такое. Не камень в обычном смысле: вещество, чаще описываемое как красный порошок или стекловидное тело, обладающее силою совершенствовать иные вещества.

Три действия ему приписывали. *Превращение* неблагородных металлов в золото — малою частью на многие части металла. *Врачевание*: он же есть великий эликсир, исцеляющий болезни. *Продление жизни* — в иных сочинениях до бессмертия, в иных лишь до долголетия.

Отчего одно вещество делает три дела. По учению о единстве: болезнь есть несовершенство тела, свинец — несовершенство металла; средство, доводящее до совершенства, годится и там и тут.

Свидетельства о превращении. Их множество, и все они одного рода: очевидцы, вельможи, монеты, отчеканенные из полученного золота. Ни одно не выдержало позднейшей проверки: там, где удавалось разобрать обстоятельства, находились двойное дно тигля, полый жезл для перемешивания и золото, подложенное заранее.

Как это читать. В работе над собою камень есть образ достигнутого состояния: то, что, будучи найдено, преображает всё, к чему прикасается. Чтение это законно — и не отменяет того, что вещества такого не найдено.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ступени делания

✷

Порядок Великого Делания описан цветами, и порядок этот повторяется у всех авторов.

Нигредо — чернота. Разложение, гниение, смерть прежнего. Вещество чернеет; делатель видит распад того, с чем работал. Ступень эта почиталась необходимой: *без гниения нет рождения*.

Альбедо — белизна. Очищение и омовение; из черноты выступает белое. Здесь — отделение чистого от нечистого, и здесь же в иносказательном чтении — ясность после смуты.

Цитринитас — желтизна. Ступень, называемая не всеми: переход от белого к красному, восход солнца после луны.

Рубедо — краснота. Соединение, завершение, камень. Здесь противоположности, разделённые в начале, сходятся вновь — но уже очищенными.

Что это по устройству. Тот же порядок, что описан в книге о ритуале: *отделение, промежуток, возвращение*. Прежнее умирает, следует безвидное состояние, затем является новое.

Оттого ступени эти узнаются всюду — в делании, в болезни, в горе, в перемене жизни. Это не доказательство их истинности; это объяснение, отчего описание так живуче.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Двойное чтение

✷

Здесь главный вопрос всего предмета: о чём написаны эти книги — о веществе или о человеке.

Три ответа давались. *Первый:* о веществе, а духовное есть позднейшая накладка. *Второй:* о душе, а вещество есть прикрытие. *Третий:* о том и другом разом, ибо для делателя это одно.

Что говорят сами тексты. Они описывают печи, весы, сроки и осадки — и тут же говорят о смерти, воскресении и браке. Разделить это, не разрушив, невозможно: *двойственность есть свойство самих сочинений*, а не наше толкование.

Что показывает история. Ранние сочинения ближе к ремеслу; позднейшие — к иносказанию; а между ними полторы тысячи лет, в течение которых доля того и другого менялась.

Правило чтения, вытекающее из книги о герменевтике: *держать оба чтения разом и не отбрасывать буквального*. Прочитанное только иносказательно перестаёт быть прочитанным: делатель топил печь, и это не образ.

И обратное правило: *читать только буквально — значит не понять, зачем тут смерть и воскресение*. Работа над веществом была для них и работой над собою, и в этом существо ремесла.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тайный язык и рисунок

✷

Алхимические сочинения нарочно темны, и темнота их устроена по правилам.

Прикрывающие имена. Одно вещество зовётся десятком имён: зелёный лев, чёрный ворон, царская вода, роса мая, кровь дракона, молоко девы. И обратно: одно имя означает у разных авторов разное.

Рассеяние. Сочинение нарочно писалось так, что важное сказано в разных главах порознь; собрать его мог лишь тот, кто уже знает.

Умолчание. Пропуск одного шага в описании — приём, о котором авторы говорят прямо: пишу для сынов науки, а не для невежд.

Рисунок. Гравюры — «Убегающая Аталанта», «Розарий философов», «Немая книга» — передают делание образами: царь и царица, брак, смерть, гниение в гробу, воскресение, птицы, восходящие и нисходящие.

Отчего так писали. Ради тайны ремесла; ради страха перед властью, преследовавшей за порчу монеты; и потому, что двойственный предмет плохо укладывается в прямую речь.

Цена этого. Предание сделалось нечитаемым: даже сами делатели не всегда понимали предшественников и повторяли слова, не зная вещества. *Тайнопись, обращённая на своих, губит своих же.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕЛАНИЕ

Лаборатория, огонь и сосуд; разложение и соединение,
перегонка и прокаливание;
сроки, терпение и записи делателя

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Лаборатория и посуда

✷

Мастерская алхимика описана в сотнях сочинений и на десятках гравюр; устройство её единообразно.

Печи. Главная — *атанор*, печь долгого и ровного жара с подсыпкою угля сверху: она могла держать тепло сутками без надзора. Прочие — горн для сильного огня, песчаная и водяная бани для мягкого.

Сосуды. *Реторта* с изогнутым носом — для перегонки; *алембик* — шлем с отводом, надеваемый на сосуд; *колба-пеликан* с боковыми трубками для многократного возврата жидкости; *тигель* для плавки; *философское яйцо* — запаянный стеклянный сосуд для долгого делания.

Прочее. Весы, ступка, воронка, фильтровальная ткань, песок, зола, вода, много угля — и деньги, ибо уголь и стекло разоряли делателей вернее неудачи.

Чем эта мастерская стала. Почти вся эта посуда перешла в химическую лабораторию без перемен: реторта, колба, воронка, водяная баня служат доныне. *Ремесло пережило учение.*

И одно предостережение сразу, до всяких подробностей: *работа эта была ядовитой*, о чём глава тридцать четвёртая. Читать описания стоит как историю, а не как руководство.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Огонь и его степени

✷

Огонь почитался главным орудием и главным действующим лицом: не делатель превращает, а огонь; делатель лишь правит огнём.

Четыре степени различали обыкновенно. Первая — тепло руки или наседки, едва ощутимое. Вторая — тепло бани. Третья — жар, при котором вещество кипит и возгоняется. Четвёртая — открытый огонь горна, плавящий металл.

Способы дать мягкое тепло: водяная баня, песчаная баня, зольная баня; навозная куча, дававшая ровное тепло гниения неделями. Последнее смешно на слух и превосходно по существу: иного термостата не было.

Главное правило огня, повторяемое всеми: *ровность важнее силы*. Перегретое портится безвозвратно; недогретое стоит без движения. Оттого делатель не отходил от печи месяцами и спал у неё.

Отсюда и требование терпения, о котором глава двадцать третья, и вечная жалоба трактатов на тех, кто торопит огонь и губит работу на последней ступени.

И для внутреннего чтения то же самое: *сила усердия не заменяет ровности*. Правило это знакомо и по книгам о внимании и о сне: постоянство даёт то, чего не даёт натиск.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Растворы и сгусти

✷

Правило, стоящее в основании всех операций, выражено двумя словами: *solve et coagula* — растворы и сгусти.

> Разложи составленное, очисти части,
> соедини вновь — и получишь то же,
> но совершеннее.

Что это значит в веществе. Твёрдое обращают в жидкое или в пар; отделяют примесь; полученное вновь сгущают. Всякая алхимическая работа есть чередование этих двух движений, повторяемое многократно.

Отчего многократно. Полагали, что всякое повторение прибавляет чистоты: седьмое или сороковое возвращение доводит вещество до совершенства. Отсюда описания в семь и в сорок кругов.

Что это значит в делателе. Разобрать себя на части — привычки, страсти, притязания; рассмотреть; собрать заново, отбросив негодное. Порядок тот же, и оттого правило это охотно берут в книги о внутренней работе.

Что здесь верно и вне учения. Приём разложения и сборки есть общий приём всякого ремесла: так разбирают неисправную машину, так проверяют рассуждение, так учат наизусть. Об этом сказано и в книге об автоматах, и в книге об ошибках рассуждения.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Перегонка

✷

Главнейшая из операций и лучшее наследие ремесла: разделение смеси нагреванием и обратным охлаждением пара.

Устройство. Сосуд с жидкостью; шлем или изогнутый нос, где пар остывает; приёмник, куда стекает добытое. То, что летит первым, зовётся *духом*; остающееся на дне — *землёю* или мёртвой головой.

Что этим добыли. Крепкие водки и спирт, названный «водой жизни»; кислоты, растворявшие металлы; ароматные масла из растений; розовую воду. Всё это — настоящие находки, о которых глава двадцать шестая.

Что видел в этом делатель. Не разделение смеси — о смесях не знали, — а *освобождение духа из тела*: летучее почиталось душою вещества, остаток — телом. Оттого перегонка была не приёмом, а обрядом.

Многократная перегонка — возвращение отогнанного обратно и повторение — называлась *круговращением*; для неё и служил пеликан с боковыми трубками.

Заметим: здесь особенно ясно видно, как *верный приём уживался с неверным объяснением*. Спирт получали превосходно; полагали при этом, что добыли душу вина.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Прокаливание и возгонка

✷

Перечислим прочие ходовые операции; имена их удержались в химии почти без перемен.

Прокаливание — сильный жар без плавления, обращающий вещество в порошок или окалину. Металл при этом менял вид и вес — и это изменение веса, замеченное поздно, положило конец старой теории, о чём глава двадцать пятая.

Возгонка — переход твёрдого сразу в пар и обратно в твёрдое, минуя жидкость; ею очищали летучие вещества и получали красивые кристаллы на стенках сосуда.

Растворение в жидкости и **выпаривание**; **осаждение** — выделение твёрдого из раствора; **процеживание** через ткань; **промывание**.

Гниение — долгое стояние в тепле и сырости; ступень, отвечающая черноте. Из презираемой операции вышла целая ветвь знания о брожении.

Соединение и сплавление — завершающие действия: соединить очищенное вновь.

Заметим общее: *перечень операций — лучшее, что оставила алхимия*. Он есть точный список того, что можно сделать с веществом простыми средствами, и он не устарел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сосуд и печь

✷

Отдельное учение сложилось о сосуде: он почитался не вместилищем, а участником делания.

Философское яйцо. Стеклянный сосуд яйцевидной формы, запаянный наглухо, — в нём совершалось долгое делание. Запечатывание называли *печатью Гермеса*; отсюда и наше слово «герметически», о чём в книге о герметизме.

Отчего запаивали. Чтобы ничто не входило и не выходило: делание почиталось замкнутым, и всякое сообщение с воздухом — порчею. Правило это, взятое из учения, оказалось верным и в опыте: замкнутый сосуд позволил позднее взвешивать до и после, о чём глава двадцать пятая.

Отчего яйцо. Образ рождения: в сосуде вещество умирает и рождается заново, как птенец. Всякий образ здесь работает и как указание для работы, и как иносказание.

Атанор — печь-нянька: она держала ровное тепло неделями и позволяла делателю спать. Название её производят от арабского «печь» либо от греческого «бессмертный» — ибо огонь в ней не угасал.

И правило, вытекающее для всякой долгой работы: *устрой так, чтобы держалось без тебя*. Кто не устроил ровного тепла, тот сторожит вместо того, чтобы работать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сроки и терпение

✷

Ни одно ремесло не говорит о времени столько, сколько это; и жалоба на спешащих есть общее место всех трактатов.

Сроки делания. Называют сорок дней, семь месяцев, год и один день, десять месяцев — по образцу вынашивания. Числа эти взяты не из опыта, а из соответствий: они говорят о родах, а не о сроке реакции.

Планетные часы. Начинать в час соответствующей планеты, при её благоприятном положении; о пределах такого расчёта сказано в книге о герметизме.

Терпение как добродетель делателя. Трактаты повторяют: торопливый губит работу; кто прибавит огня раньше времени, потеряет всё; делание не терпит нетерпеливого. Из этого выросло целое учение о нраве работающего.

Что здесь трезвого. Многие настоящие превращения вещества и вправду медленны: брожение, вызревание, кристаллизация. Наблюдение верно; объяснение сроками светил — нет.

И правило, годное всякому ремеслу: *назначай срок по существу дела, а не по своему нетерпению*. Работа, требующая недель, не делается за вечер — ни в печи, ни в голове.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Записи делателя

✷

Алхимики вели записи — и здесь видна вся двойственность их положения.

Что записывали. Вес взятого, степень огня, сроки, цвет и запах, время появления осадка; и вместе с тем — сны, состояния, знамения, положение светил.

Отчего записи не помогли. Три причины, и всякая поучительна. Записывали прикрывающими именами — и через год сами не понимали, о чём речь. Записывали удачи и умалчивали о провалах. И не описывали условий так, чтобы другой мог повторить.

Чего недоставало. Именно *повторимости*. Пока запись не позволяет чужому получить то же самое, ремесло не накапливает знания: всякий начинает сызнова. Отсюда и топтание на месте в течение веков при огромном труде.

Что переменило дело. Взвешивание, точное именование веществ, печатание неудач наравне с удачами. Это и есть рождение химии, о чём глава следующая.

И правило для всякого работающего, взятое отсюда: *записывай так, чтобы чужой повторил*. Всё прочее в дневнике — для себя; повторимое — для дела.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Как отделилась химия, что было найдено попутно,
отчего Ньютон трудился над деланием
и во что обратилась алхимия в наши дни

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Как отделилась химия

✷

Разделение совершилось не в один день и не одним человеком; но два имени указывают на его начало и конец.

Роберт Бойль, «Химик-скептик», 1661 год. Он подверг разбору учение о стихиях и о трёх началах и потребовал иного определения: *простое тело есть то, которое не удалось разложить*. Определение это перенесло вопрос из рассуждения в опыт.

Антуан Лавуазье, конец восемнадцатого века. Он ввёл в дело *весы*: взвешивал до и после, в запаянном сосуде. Оказалось, что при прокаливании металл *тяжелеет*, а воздух в сосуде убывает; стало быть, металл не теряет вещества, а присоединяет.

Отсюда пали и старая теория горения, и учение о стихиях: вода была разложена и вновь составлена, и оказалась не стихией, а соединением.

Что переменилось по существу. Не приёмы — они остались теми же. Переменились три вещи: *взвешивание*, *ясное именование веществ* и *обязанность печатать неудачи*. С ними ремесло стало накапливать знание, чего не умело две тысячи лет.

Заметим и то, что многие делатели работали и после: разделение шло медленно, и один и тот же человек мог считать и весы, и планетные часы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Находки алхимиков

✷

Цели своей ремесло не достигло; но по дороге нашло столько, что перечень стоит выписать.

Кислоты и щёлочи. Крепкие кислоты и их смеси, растворяющие металлы, — открытие, изменившее и ремесло, и промысел.

Спирт. Перегонка вина дала «воду жизни»; из неё — настойки, лекарства и целая отрасль.

Фосфор. Найден в семнадцатом веке Хеннигом Брандом, искавшим камень; вещество, светящееся в темноте, поразило Европу.

Фарфор. Иоганн Бёттгер, посаженный курфюрстом делать золото, золота не сделал — и получил европейский фарфор; Мейсен вырос отсюда.

Соли, красители, стекло, сурьмяные препараты, порох в его европейской доработке — всё это лежит на том же пути.

И самое ценное — приёмы: перегонка, возгонка, прокаливание, осаждение, фильтрование, водяная баня. Всё это перешло в химию без перемены.

Итог поучителен и не только для химии: *ремесло, поставившее себе недостижимую цель, оставило по себе больше, чем иные достигшие своей*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Врачевание и лекарство

✷

Вторая цель ремесла — врачебная — оказалась плодотворнее первой, хотя и стоила многих жизней.

Что сделал Парацельс. Ввёл в лечение минеральные средства и настойки, приготовляемые перегонкою и очисткою. Прежде лечили преимущественно травами и кровопусканием; он стал давать *вещество, выделенное и очищенное*.

Правило дозы, названное в главе седьмой, есть основание всей нынешней лекарственной науки: различие между лекарством и ядом — в количестве.

Чем это обернулось. Ртутные и сурьмяные средства применялись веками и калечили не меньше, чем лечили. Спор о сурьме тянулся во Франции сто лет: её то запрещали, то дозволяли.

Что осталось. Мысль о *действующем начале*: вытяжка из травы содержит нечто, что и лечит; выделив его, получим средство. Из этой мысли через два века вышли морфин, хинин и вся аптека.

Чего не вышло. Всеобщего эликсира. И заметим твёрдо, ибо это касается ныне живущих: *старые прописи не годятся для употребления* — они содержат ртуть, свинец и сурьму в количествах, опасных для жизни. Об этом — глава тридцать четвёртая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ньютон и делание

✷

Случай Ньютона показывает лучше всякого рассуждения, как выглядела эта наука изнутри своего времени.

Что известно. Ньютон трудился над деланием три десятилетия, переписывал трактаты своею рукою, вёл лабораторные записи и оставил алхимических бумаг более миллиона слов — больше, чем по механике.

Что он искал. Не золота ради богатства: он был человеком состоятельным и главою монетного двора. Он искал устройства вещества и *действующего начала*, которым тела влияют друг на друга.

Связь с его наукою прослеживают прямо: мысль о силе, действующей на расстоянии, была в его время не менее «алхимической», чем «физической», — и учёные-механики упрекали его как раз в этом.

Как это оценивать. Не как заблуждение великого ума и не как оправдание делания. А как свидетельство: *черты между наукой и преданием тогда ещё не было*. Она возникла позднее — и возникла из требования весов и повторимости, а не из перемены умонастроения.

Об этом же — в книге о герметизме, в главе о Ньютоне; и вывод там тот же: *разделение провела проверка, а не презрение*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Юнг и чтение делания как пути

✷

В двадцатом веке алхимия вернулась в учёный разговор с неожиданной стороны — со стороны душевной жизни.

Что предложил Карл Густав Юнг. Он читал алхимические сочинения как описание внутреннего пути: делатель, вглядываясь в вещество, видел в нём собственные состояния и описывал их языком печи и сосуда.

Ступени делания он сопоставил с ходом внутренней работы: чернота — распад прежнего устройства души; белизна — очищение и различение; краснота — соединение противоположностей.

Чем это ценно. Оно объясняет то, чего не объясняет чтение по веществу: отчего трактаты полны смерти, брака и воскресения; отчего делатель говорит о молитве и нраве наравне с огнём.

Чем это спорно. Толкование это *всеобъемлюще*: всякий образ находит себе место, и опровергнуть его нечем — изъян, разобранный в книге об ошибках рассуждения. И оно легко подменяет собою историю: алхимики топили печи, а не только созерцали.

Разумная мера. Читать Юнга как *толкование, полезное для читателя*, и не переносить его на самих делателей как описание их намерений. Об этом — в книге о герменевтике: *смысл читателя не есть смысл автора*.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Алхимия в словесности и в искусстве

✷

Ремесло, не давшее золота, дало Европе неисчерпаемый запас образов; и это, быть может, прочнейшее его наследие.

Образы. Свинец, обращаемый в золото; сосуд, где умирает и рождается; чёрное солнце; брак царя и царицы; птица, восходящая из огня. Всё это вошло в стихи, в живопись и в театр.

Насмешка. Уже Чосер в четырнадцатом веке высмеял делателей; Бен Джонсон написал «Алхимика» — комедию о ловком обманщике. Ремесло смеялось над собою раньше, чем над ним посмеялась наука.

Гравюры шестнадцатого-семнадцатого веков — «Убегающая Аталанта» с музыкой и стихами, «Немая книга», где нет слов вовсе, — принадлежат к лучшему, что оставила эпоха в искусстве книги.

Ныне алхимия живёт в словесности как образ преображения: всякий рассказ о человеке, прошедшем через распад и собравшем себя заново, повторяет ступени делания, о чём в главе четырнадцатой.

Заметим и обратное действие: именно художественная сила этих образов *поддерживает веру в буквальное делание*. Красота изложения не есть доказательство — правило, годное и вне этого предмета.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Обманщики и покровители

✷

Ремесло всегда шло об руку с обманом, и приёмы обманщиков известны наперечёт — их описывали сами алхимики.

Как подделывали превращение. Тигель с двойным дном, откуда золото выходило при нагреве. Полый жезл для перемешивания, залитый воском с золотым порошком. Гвоздь, наполовину золотой, наполовину железный, окунаемый в раствор. Сплав, похожий на золото по виду.

Кто платил. Государи и вельможи, нуждавшиеся в деньгах: Рудольф Второй в Праге, курфюрсты, епископы. Держать при дворе делателя было делом обычным.

Чем кончалось. Иных обогащали; многих вешали — на позолоченной виселице, в назидание. Судьба Бёттгера, посаженного под стражу делать золото и сделавшего фарфор, есть счастливейший исход из возможных.

Отчего обман удавался. Оттого, что проверка была слаба: свидетели знатны, обстановка торжественна, а взвешивание и разбор металла делались не всегда. Здесь работало то же, что описано в книге о ментализме: *чудо держится не приёмом, а условиями показа*.

И правило, годное доныне: *требуй, чтобы опыт был поставлен на твоих условиях, а не на условиях показывающего*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Превращение, оказавшееся возможным

✷

Мечта о превращении металлов сбылась — в двадцатом веке, иным путём и с иным итогом.

Что выяснилось. Свойства вещества определяются числом зарядов в ядре; переменить металл значит переменить *ядро*. Ни огонь, ни кислота, ни какое иное средство алхимиков ядра не касаются — они работают лишь с оболочками.

Первое искусственное превращение совершил Резерфорд в 1919 году, обратив азот в кислород обстрелом частицами. Мечта осуществилась — и оказалась не тем, чем виделась.

Золото из ртути и вправду получено — в ускорителе и в реакторе, в количествах ничтожных и ценою, превышающей стоимость полученного во много раз. Превращение возможно; выгоды в нём нет.

Что это говорит об алхимиках. Их основное положение — *вещество едино и превращаемо* — оказалось верным. Неверны были средства и объяснение: они искали ключ у порога, а дверь была в ином месте и требовала иных сил.

Оттого и оценка их труда должна быть двойной: *догадка верна, ремесло полезно, объяснение ложно, цель недостижима теми средствами*. Всё вместе — и есть честный итог двух тысяч лет.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНИЦА

Чего делание не может, чем оно опасно на деле,
как узнают мнимые рецепты
и как читать эти книги без вреда для себя

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего алхимия не может

✷

Соберём пределы прямо и без обиняков.

Она не превращает металлов. Ни огнём, ни кислотою, ни составом: превращение требует перемены ядра, о чём глава тридцать вторая. Ни одно из тысяч заявленных превращений не подтвердилось при проверке.

Она не даёт всеобщего лекарства и не продлевает жизни. Средства, ею предлагавшиеся, чаще сокращали её.

Она не объясняет вещества. Стихии, сера и ртуть суть язык описания, а не устройство природы; его нашли иными средствами.

Она не заменяет ремесла и врача. Ни в лаборатории, ни в лечении.

И она не даёт способа проверить свои утверждения. Это главное: *без повторимости и весов накопление знания невозможно*, и оттого две тысячи лет труда дали приёмы, но не науку.

Что же остаётся? Перечень операций; язык образов; описание внутренней работы, устроенное как обряд перехода. Немало — но именно это, и не более.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Опасности вещества

✷

Эта глава писана не ради полноты, а ради предостережения, и она в книге самая важная для живущего ныне.

> Старинные прописи не годны к употреблению.
> Они составлены до знания о ядах
> и стоили жизни своим составителям.

Ртуть. Пары её отравляют исподволь: дрожание рук, порча памяти, расстройство нрава. Алхимики нагревали ртуть годами; описанные у них «безумие делателей» и дрожь суть прямое отравление.

Свинец и сурьма — яды накопительные; вред их проявляется поздно и не связывается с причиною.

Мышьяк и его соединения — смертельны в малых количествах.

Пары кислот разъедают лёгкие; смеси их с иными веществами дают отравляющие газы.

Запаянный сосуд на огне взрывается: давление растёт, стекло не держит.

Отсюда правило для читающего эти книги: *читать как историю, а не как руководство*. Внутреннее делание из главы тридцать девятой не требует ни печи, ни ртути — и в этом его преимущество.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Мнимые рецепты

✷

Сочинений, обещающих делание, больше, чем подлинных трактатов; приметы негодного известны.

Обещание полноты. Подлинные трактаты *умалчивают* о шагах и говорят об этом прямо; сочинение, где всё изложено связно и до конца, обыкновенно писано для продажи.

Отсутствие мер. Ни весов, ни сроков, ни степеней огня — лишь имена и намёки.

Ссылка на утраченную рукопись вместо ссылки на издание. Об этом — в книге о герметизме, в главе о мнимых древностях.

Язык не своего века: «энергии», «вибрации», «частоты» в тексте, объявленном средневековым.

Обещание сверх делания: богатство, власть, исцеление от всего разом. Подлинные авторы обещают труд, бедность и годы у печи.

И примета нашего времени: продажа «эликсиров», «монатомного золота» и подобных составов. Это уже не история ремесла, а торговля — и торговля веществами, чей состав неизвестен покупателю. Правило здесь простое: *ничего не принимать внутрь по старинной прописи*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Аллегория и произвол

✷

Тёмный текст притягивает толкователя именно тем, что не возражает; и алхимические книги — тёмные по устройству.

Отчего произвол здесь особенно лёгок. Одно вещество зовётся десятью именами, одно имя означает у разных авторов разное, важное умолчано нарочно. При таком письме толкование почти не ограничено текстом.

Как это ограничить. Приёмами, изложенными в книге о герменевтике. Датировать сочинение. Изъяснять тёмное ясным — тем, что у того же автора сказано прямо. Держать оба чтения: вещественное и внутреннее. Не подставлять нынешних слов.

Проверка, принятая в самом ремесле: толкование годно, если из него следует, *что делать*. Чтение, ничего не меняющее в работе, есть празднословие.

И проверка от внешнего: назвать, что́ в тексте противоречило бы вашему толкованию. Не могущий назвать — не толкует, а вчитывает.

Заметим, что оба соблазна равны: *читать только по веществу* — значит объявить полторы тысячи лет бессмыслицей; *читать только иносказательно* — значит отменить труд делателей. Мера — в удержании обоих чтений.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Алхимия и герметизм

✷

Две эти книги нашего собрания стоят рядом, и стоит развести их предметы.

Герметизм есть учение: о едином, о соответствии верхнего и нижнего, об уме как основании мира. Он говорит, *каков мир*.

Алхимия есть ремесло: работа с веществом и над собою. Она говорит, *что делать*.

Что связывает. Основание: положение о соответствии. Из него алхимия берёт право судить о металле по планете, а о человеке по металлу. Оттуда же — «Изумрудная скрижаль», почитаемая кратчайшим изложением делания.

Что разделяет. Герметист созерцает и восходит; алхимик *работает руками*, топит печь, взвешивает и разоряется на угле. Оттого алхимия оставила по себе приборы и вещества, а герметизм — язык и учение.

И третья книга, без которой обе читаются худо, — о герменевтике: она даёт правила чтения тёмных текстов, о чём глава тридцать шестая.

Порядок чтения этих трёх таков: *сперва ремесло толкования, затем учение, затем делание*. Так меньше вероятность принять образ за рецепт, а рецепт — за образ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила читающего трактаты

✷

Соберём правила для того, кто берётся за старые книги этого рода.

Датируй и назови издание. Век сочинения объясняет половину его странностей.

Помни о прикрывающих именах. «Зелёный лев» не есть лев и не есть одно и то же у двух авторов.

Не подставляй нынешних веществ. Ртуть трактата не есть ртуть из таблицы; чаще это *роль*, о чём глава одиннадцатая.

Читай двояко и не отбрасывай ни одного из чтений.

Не ищи полного рецепта: его нет по устройству этих книг, и обещающий его лжёт.

Ничего не повторяй руками. Ни нагревания ртути, ни составов с сурьмой и мышьяком, ни приёма внутрь. Об этом — глава тридцать четвёртая, и это не осторожность, а прямое требование.

И держи при себе вопрос: *что бы я делал завтра, если бы понял это верно*. Толкование, не отвечающее на него, ничего не стоит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила работающего над собою

✷

Из всего предания годным к употреблению остаётся его внутренняя часть; изложим её без образов.

Растворі. Разбери привычное на части: что делаешь, отчего, ради чего. Пиши, а не думай: неписанное разбирается плохо.

Пройди черноту. Распад прежнего порядка неприятен и неизбежен; тут работа кажется испорченной. Правило одно: *не прибавлять огня* — не решать в этом состоянии ничего важного.

Очисти. Отдели существенное от привнесённого. Перечень мучителей из книги о герметизме годится как готовый список для наблюдения.

Сгусти. Собери заново — в порядок дня, в правило, в ремесло. Внутренняя работа, не обратившаяся в поведение, есть пар без сосуда.

Держи ровный огонь. Малое ежедневно; постоянство важнее усердия — правило, общее для всех книг этого собрания.

И веди записи так, чтобы чужой понял. Своя тайнопись через год непонятна и тебе самому; в этом главный урок, оставленный делателями, — и оплаченный дорого.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: превращение и мера

✷

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Алхимия стоит на трёх положениях: *вещество едино, природа стремится к совершенству, верхнее подобно нижнему*. Первое оказалось верным глубже, чем думали; второе — поэтическим; третье — языком, а не законом.

Делание её сводится к двум движениям — *растворы и сгусти*, — повторяемым многократно при ровном огне. Отсюда и ступени: чернота распада, белизна очищения, краснота соединения; то же устройство, что у всякого обряда перехода.

Цели своей она не достигла и достигнуть не могла: превращение требует иных сил. Но по дороге оставила приборы, приёмы, кислоты, спирт, фарфор, лекарственное дело — и целый язык образов, которым Европа говорит о преображении доныне.

Читать её книги следует двояко и осторожно: *как историю ремесла и как повесть о делателе*, — и ни в коем случае не как пропись: вещества там ядовиты, а меры не указаны.

И последнее. *Единственное превращение, которое это ремесло вправду умеет, совершается в том, кто работает*: разобрать себя, очистить и собрать заново — при ровном огне и без спешки. Здесь мера есть не украшение, а условие: торопящий губит работу на последней ступени.

✷

✷

АЛХИМИЯ

Превращение, делание и мера

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм

✷